

Глава 16

В сердце каждого живёт мечта о прекрасном месте.

Может быть, это ночной Париж, а может — заснеженный Пекин.

Но если спросят меня, где находится самое прекрасное место на свете...

Я отвечу: там, где ты.

— 17 января 2005 года.

Первые зимние каникулы в Средней школе Яли начались под аккомпанемент кружащихся в воздухе крупных хлопьев снега.

Привычно тихий школьный городок превратился в растревоженный улей. Повсюду сновали люди, у нарядных жилых корпусов выстроились вереницы сверкающих автомобилей — родители приехали забирать детей.

Все в спешке паковали чемоданы, и только Чэнь Лу, собрав лишь ноутбук, молча стоял у окна, пережидая суматоху. Казалось, куда бы он ни отправлялся, ему совершенно нечего было брать с собой.

Зато мать Ду Вэй времени зря не теряла: ворча под нос, она усердно заталкивала в сумки горы грязной одежды сына.

— Вэй-вэй, ну можно же быть хоть капельку аккуратнее? Посмотри, какая вонь! — Она брезгливо подцепила за край футболку неопределённого цвета и, не раздумывая, швырнула её в мусорную корзину. — Боже мой, наш пёс Шарик и то чище тебя!

— Я же не собака, — буркнул Ду Вэй, послушно придерживая огромный пакет. — У него шерсть, ему одежда не нужна.

Чэнь Лу не выдержал и негромко рассмеялся. Госпожа Ду, недовольная такой реакцией, тут же переключилась на него:

— Лу-лу, ты-то чего зубы скалишь? Вас обоих эти оценки не беспокоят? Тратите деньги направо и налево, о будущем совсем не думаете. Возьми бы пример с других!

Она указала рукой в сторону санузла. Там Сяо Линь, уже собравший свои вещи, по привычке заканчивал уборку.

Фраза «посмотри на других» была, пожалуй, самой частой в жизни Линь Илиня. Он обернулся, вежливо улыбнулся и, ничего не ответив, молча расставил по полкам многочисленные средства по уходу за кожей, принадлежащие Чэнь Лу. Затем тщательно вытер капли воды со столешницы.

Игнорируя ворчание тёти Ду, Чэнь Лу несколько раз порывался заговорить с Илинем. Наконец, когда тот закончил, он подошёл ближе и вполголоса спросил:

— Ты где будешь на каникулах?

— А где мне ещё быть? — Линь Илинь не ответил прямо. — А ты?

— Наверное, в Японии...

Илинь улыбнулся:

— Хорошего отдыха.

Прежде чем Чэнь Лу успел что-то добавить, староста вышел из ванной, подхватил рюкзак и громко, по-детски старательно попрощался:

— Тётушка, я пошёл! Ду Вэй, пока!

Госпожа Ду, обожавшая этого порядочного мальчика, засуетилась:

— Постой, давай я тебя подвезу! Мы как раз на машине сегодня.

— Не нужно, тётушка, нам совсем не по пути. Занимайтесь делами! — Линь Илинь выскочил в коридор, махнул им на прощание рукой и мгновенно исчез из виду.

Янь Цинвэй была карьеристкой до мозга костей. У неё было столько недвижимости, что само понятие «дом» для неё давно размылось. Обычно центром её мира становилось то место, где находился сын.

В тот редкий выходной день, когда Чэнь Лу должен был отдыхать на Хоккайдо, она позволила себе расслабиться в своей пекинской вилле: лежала в шезлонге с маской на лице, смотрела телевизор и лениво ела фрукты, нарезанные горничной.

Тишину прервал звонок личного телефона, на который звонили только по самым важным

делаю.

Цинвэй нахмурилась, но всё же ответила.

— Да? — Голос её звучал бесстрастно.

— Госпожа Янь, это Сяо Ли, — на том конце провода послышалось тяжёлое дыхание.

— Чэнь Лу опять во что-то вляпался? — Цинвэй рассматривала свой безупречный маникюр. Сяо Ли был блестящим выпускником престижного вуза, и его первым заданием в компании стало присматривать за сыном босса в Японии. Судя по голосу, парень был на грани нервного срыва.

— Нет... Он сел на самолёт и улетел!

— Что?! Он же прилетел только два дня назад! Как ты за ним смотрел? А если бы его похитили? — всполошилась Цинвэй, но тут же одернула себя: сыну уже пятнадцать, он должен соображать, что делает.

— Он сказал, что хочет поспать. Кто же знал... Днём я не смог до него дозвониться — телефон был выключен. Проверил номер в отеле — там пусто. Только по выписке с кредитки узнал, что он купил билет. Сейчас он уже должен быть в Пекине.

Янь Цинвэй хотела было отчитать ассистента, но в этот момент горничная бесшумно ввела в гостиную гостя. Хозяйка дома вздохнула в трубку:

— Ладно, он уже здесь. Возвращайся тоже. В понедельник выходи в отдел планирования шанхайского филиала.

— Спасибо, госпожа! — Сяо Ли, чувствуя, как гора свалилась с плеч, радостно отключился.

В гостиной снова воцарилась тишина.

Чэнь Лу зашёл с пустыми руками — он снова бросил все вещи. Как ни в чём не бывало, он устроился на диване рядом с матерью:

— Я вернулся.

Она сделала знак косметологу, чтобы та сняла маску. После массажа и умывания, занявших добрых полчаса, Цинвэй наконец заговорила:

— И что, в Японии стало скучно? Ещё неделю назад ты только об этом и кричал.

— Насмотрелся уже, не тянет больше.

— Все мужчины одинаковы — быстро остывают, — Цинвэй не стала сердиться, напротив, негромко рассмеялась. В руках умелого мастера её лицо сияло свежестью, она выглядела слишком молодой, чтобы быть матерью подростка.

Чэнь Лу усмехнулся, схватил телефон и ловко набрал номер.

— Это я. Чем занята? — спросил он, едва на том конце ответили.

Женский голос в трубке прозвучал мелодично:

— Книгу читаю. Ищешь своего брата? Он уехал на стажировку в Англию.

— А? — Чэнь Лу запнулся. — Ладно, тогда поищи на его столе одну регистрационную форму.

Женщина рассмеялась:

— Мой муж сказал: если ты захочешь узнать любые данные о «маленьком старосте», ответ один — информация засекречена.

Чэнь Лу на мгновение лишился дара речи.

— Хорошо, — буркнул он, помрачнев. — Тогда в следующий раз не спрашивай меня, где твой муж и чем он занимается.

— Ха-ха-ха! Несовершеннолетний угрожает замужней счастливой женщине... — Договорить она не успела: Чэнь Лу сбросил вызов.

Янь Сяожоу высунула язык и повернулась к молчавшему рядом Сяо Яню:

— Дорогой, как ты всё это предвидел?

Тем временем у Чэнь Лу настроение окончательно испортилось. Он отшвырнул телефон и замер на диване с отсутствующим видом.

Он уезжал с твёрдым намерением забыться, но в Японии у него не было ни сил, ни желания развлекаться. Те дни в школе казались ему куда счастливее. Провалившись двое суток в термальных источниках традиционной гостиницы, он не выдержал и сбежал. Теперь он знал точно: всё его беспокойство — из-за того, что этого невыносимого парня нет рядом.

Янь Цинвэй, прищурившись, смотрела на сына. Длинные ресницы, точёный нос — он с каждым днём становился всё больше похож на отца. На сердце у неё стало тоскливо. На самом деле она знала о делах сына гораздо больше, чем он мог себе представить, но как мать предпочитала не рубить с плеча.

— Не делай глупостей, — тихо произнесла она.

Чэнь Лу ответил вопросом на вопрос:

— Мам, как думаешь, я когда-нибудь стану умнее тебя?

Янь Цинвэй замолчала. Её называли королевой недвижимости, восхищались её холодным рассудком и деловой хваткой. Но разве она сама никогда не совершала глупостей? Откуда тогда взялся этот красивый мальчик перед ней?

Впрочем, минутная грусть быстро прошла. Люди, совершавшие ошибки, больше всего на свете не хотят, чтобы их близкие наступали на те же грабли. Тем более — собственные дети.

Чэнь Лу и сам порой сомневался в себе. Чувство, которое он испытывал, казалось ему ребячеством, чем-то бессмысленным. Но стоило наступить ночи, как он начинал метаться, пытаясь вырвать это из сердца, — и всякий раз всё заканчивалось тяжёлым вздохом.

Он любовался его красотой, поражался его упорству, жалел его в его одиночестве и всем сердцем сочувствовал его доброте. Когда предубеждения рухнули, осталась лишь полная капитуляция.

Эти светлые чувства незаметно пропитали его до костей. Здесь не было места логике или расчёту, а значит, не было и пути назад.

В эти зимние каникулы Чэнь Лу впервые всерьёз задумался: достоин ли он любви? Кем он сможет стать, если отбросить величие его матери? Сможет ли он когда-нибудь стать равным Линь Илиню?

В своих метаниях он даже не заметил, как начал осознавать груз ответственности — верный признак того, что человек начинает взрослеть.

Вечерами в «Пицца Хат» всегда было не протолкнуться. Уютная атмосфера и быстрая еда притягивали толпы проголодавшихся прохожих. «Хвостик» Чэнь Лу не стал исключением.

Пятилетний малыш, племянник Чэнь Лу, только недавно вернулся с родителями из Калифорнии. Он мешал китайские слова с английскими и обожал фастфуд.

— Эй! Я хочу вот это! — Малыш, сидевший на переднем сиденье и болтавший ногами, играя с машинкой, внезапно увидел вывеску «Pizza».

Недолго думая, он с размаху ткнул пухлой ладошкой прямо в лицо Чэнь Лу.

«Ламборгини» резко затормозила, едва не вписавшись в фонарный столб. Чэнь Лу замер на пару секунд, затем помрачнел, поправил сбитые очки и вперила лазурный взгляд в круглолицего «маленького демона»:

— Выметайся и ешь сам. А потом сам ищи такси до дома!

Мальчишка оказался не из робких. Он тут же распахнул дверь и припустил через дорогу.

Разумеется, Чэнь Лу не мог бросить ребёнка. Видя, как тот чуть не сбил прохожего, он нехотя выбрался из машины, в два прыжка настиг беглеца и, подняв его за шкурку, зашипел прямо в нос:

— Поешь — и сразу к матери. Будешь приставать — сдам тебя Сяо Яню!

У племянника были мягкие кудряшки, доставшиеся от американской родни, и одна непослушная прядь как раз падала на лоб. Малыш дунул на неё и сладко улыбнулся:

— У Янь-янь жена... краса-а-авица!

Чэнь Лу брезгливо отставил это стихийное бедствие на землю. Он в толк не мог взять, в кого этот малец такой: едва увидит симпатичное лицо — сразу липнет со своими нежностями.

Малыш не обиделся. Он обхватил длинную ногу Чэнь Лу и хихикнул:

— Лу-лу тоже... краса-а-авец!

— Отцепись от меня, — Чэнь Лу терпеть не мог, когда на него глазели прохожие, принимая за молодого отца.

— Не-а! — Он с энтузиазмом потерся щекой о джинсовую ткань.

Внимания со стороны окружающих становилось всё больше, и Чэнь Лу решил капитулировать:

— Ладно, пошли. Будет тебе пицца.

Мальчишка тут же забыл о нежностях и припустил к ресторану так быстро, как только позволяли короткие ножки.

Говорят, нет худа без добра. Всего через полминуты Чэнь Лу на собственном опыте осознал мудрость этой поговорки.

Малыш, встав на цыпочки и оглядевшись по сторонам, задействовал свой встроенный радар на красавцев. С молниеносной быстротой он подскочил к самому симпатичному официанту и, расплывшись в улыбке, обхватил его ногу.

— Братик, я хочу самую вкусную пиццу! — пропел он тонким голоском.

Бедный официант, явно не ожидавший такого нападения, замер. Он наклонился, разглядывая вцепившегося в него «фарфорового» мальчугана.

— Братик, я кушать хочу... — Ребёнок захлопал огромными глазами.

Профессиональная этика взяла верх, и официант начал озираться в поисках родителей.

«Родителем» оказался подошедший Чэнь Лу.

Он чуть прищурился, и на его красивом лице расцвела многозначительная улыбка:

— Какая встреча.

Линь Илинь, затянутый в рабочую униформу, заметно побледнел.

<http://bllate.org/book/17434/1664190>